

В Туле, в которой родился, жил и творил известный русский писатель Глеб Иванович Успенский, сохранилось немало памятных мест, связанных с его именем. Каждый раз, когда я захожу в кафедральный Всехсвятский собор, существовавший еще во времена писателя, непременно посещаю и расположенный недалеко отсюда, на улице Тургеневской, дом номер 57. Сама судьба распорядилась так, чтобы вокруг этого дома отца писателя Ивана Яковлевича образовался целый сонм улиц с литературными названиями (Пушкинская, Гоголевская, Тургеневская, Жуковского, Льва Толстого, Глеба Успенского).

Недалеко отсюда, в самом центре города, в сплетении многочисленных улиц старинной застройки, есть еще одно строение, связанное с памятью писателя. В доме № 37 по улице Жуковского,— доме деда Успенского,— в основном и прошли детские годы автора знаменитых «Нравов Растеряевой улицы».

Характерно, что прототип Растеряевой улицы — «Староникитская», за годы советской власти побывавшая улицей имени пославшего на смерть последнего русского царя Якова Свердлова,— и поныне сохранила дореволюционные постройки.

Но вернемся к автору целого цикла очерков о нравах жителей дореволюционной Тулы и не только. В советский период о нем писали не иначе, как о писателе-демократе. Еще бы: он, подобно Белинскому и Добролюбову, обличал мрачный быт и жестокие нравы людей дореволюционной России, в которой, по мнению литературных критиков СССР, просто не могло быть ничего хорошего и позитивного. Недавно я заново перечитал этот цикл очерков Глеба Успенского и удивился, до чего же неприглядную картину он изображает в них о Туле, населявшем ее рабочем люде, да и о прочих сословиях, проживающих в этом, далеко не самом худшем городе царской России. Сплошная запойная пьянка, драки, битье жен, сквернословие и прочие нравственные язвы так оплели жителей Растеряевой улицы, что нет в их жизни никакого просвета. Добавьте к этому жуткую нищету, непролазную грязь и пыль на улицах, сплошные покосившиеся хибары,— и неискушенному читателю и впрямь покажется, что в той Туле жили одни монстры. Я обратил внимание на одну деталь в этих бытописаниях Успенского: даже яблони в садах Растеряевой улицы и те были кривыми, хотя по законам природы им положено иметь стройный ствол и пушистую крону. Какой там луч света в темном царстве! У писателя нет даже просвета в изображении крошечной мглы позора, разврата и беспробудного пьянства жителей уездного города Т., погрязших в обмане, стяжательстве и беспросветной тоске.

Но где же природная смекалка русского человека, его светлая душа, традиционное хлебосольство и гостеприимство? Где хоть какой-нибудь романтический Манилов или, пусть и скарденная, но не забывшая накормить незваного гостя, Коробочка?

Главный герой «Нравов...» Прохор Порфирыч (заметим, по Успенскому,— человек грамотный, образованный) изъясняется таким тарабарским языком, что понять смысл его высказываний порой нет никакой возможности. Под стать ему разговаривают и другие герои повествования.

Видимо, поэтому в Тульском биографическом словаре (Т. «Пересвет», 1996), «Нравы Растеряевой улицы» скромно называются публицистическим словом «очерк», а не литературным термином «рассказ» или «повесть». Возможно, не случайно он не поставлен в один

ряд не только с таким гигантом писательской мысли, как наш земляк Лев Толстой, но и с В. В. Вересаевым и другими современниками. В его произведениях мы не обнаружим таких, ярко выписанных, образов и характеров, какими насыщены сочинения перечисленных авторов. Язык героев схоластичен, малопонятен. Мне кажется, что Глеб Успенский — это, в первую очередь, публицист, который написал немало хороших очерков.

Возможно, еще и по этой причине, в Туле, в сквере у начала описанной им Растеряевой (Староникитской) улицы более двадцати лет простоял закладной камень, обозначая место будущего монумента писателя, хотя память о Викентии Вересаеве и Льве Толстом была давно увековечена прекрасными памятниками. И только в 2016 году, в канун 120-летия со дня рождения Глеба Успенского, там был возведен прекрасный памятник писателю, автором и меценатом которого стал знаменитый скульптор Зураб Церетели. Именно он ваял этот великолепный памятник Глебу Успенскому и подарил его городу,

Конечно, дело здесь не только в том, что Успенский не оставил после себя произведений крупных литературных форм — таких, как роман или повесть. Известно, что критика в адрес писателя высказывалась и за перехлест в изображении не только нравов городского захолустья, но и деревни, крестьян, других обитателей России. После публикации цикла очерков Успенского «Из деревенского дневника», Плеханов раскритиковал их, а редколлегия журнала «Отечественные записки» выговаривал за публикацию этого произведения. Другая современница писателя Вера Фигнер при личной встрече бросила ему упрек: «Зачем рисовать деревню такими красками, что никому в нее забраться не захочется и всякий постарается от нее подальше». Либеральные же народники на страницах «Недели» прямо обвинили Глеба Успенского в клевете на народ и в измене народу.

Не щадил наш земляк и интеллигенцию. В письме к Н. К. Михайловскому 14 марта 1876 года, объясняя свой уход с очередной должности, он пишет: «Место... я должен был бросить, и как ни скверно это в материальном отношении, решительно не раскаиваюсь: подлые концессионеры глотают миллионы во имя разных шарлатанских проектов,— а во сколько же раз подлее интеллигенция, которая не за миллионы, за два двугривенных осуществляет эти проекты на деле...?»

Возможно, такая литературная характеристика нашего знаменитого земляка будет встречена с негодованием частью литературной общественности. Поэтому хочу сразу оговориться: это мое сугубо личное мнение, которое сложилось после нового, внимательного прочтения трудов Глеба Успенского.

Впрочем, Успенский интересен современным читателям не только как бытоописатель. В ситуации, когда у родственного нам сла-

вянского государства Сербии насильно отняли провинцию Косово, особо показателен его очерк «Письма из Сербии», написанный в 1876 году. В то время сотни и тысячи добровольцев из России прибыли в эту страну, чтобы защитить ее от турецкого порабощения. И уже тогда писатель подметил одну справедливую особенность: зажиточную, чистую, привольную жизнь тех, кого, жертвуя собой, ехали защищать нищие русские.

«Бродя по улицам Пешта, устраивающегося жить совершенно по-европейски, позволяющего себе даже во внешнем убранстве улиц чисто парижскую роскошь, я тысячу раз невольно спрашивал себя: неужели, правда, что на эти широкие, асфальтовые тротуары каждый божий день железная дорога высаживает тысячи простых русских людей, добровольно отдающих свою голову за угнетенного?»

Да, отдавали. Жертвовали последним. Выручали братьев-славян. И вот, через столетие, ситуация в благополучной, с прекрасными климатическими условиями, с благоустроенными дорогами и вымытыми шампунем тротуарами стране вновь обострилась. И вновь, как и тогда, Россия чуть ли не в одиночку отстаивает право Сербии на Косово.

А уж так ли эта, исконно сербская, территория нужна самим сербам? Глядя, какого президента они выбирают, как рвутся в Евро-союз, отнявший у них это Косово, начинаешь сомневаться. На двух стульях, как известно, усидеть невозможно. Пора бы нашим братьям определиться, чего им больше хочется: конституции или севрюжины с хреном. И России надо научиться сначала заботиться о своих интересах, а потом уже защищать чужое желание жить еще лучше.

Впрочем, это лирическое отступление на современную тему, на чутье настоящего писателя Глеба Успенского, который много десятилетий назад так верно понял и обрисовал ситуацию, что его творение сверхсовременно и сейчас. Перечитай, уважаемый читатель, «Письма из Сербии» Глеба Успенского, и ты откроешь для себя не только много нового, но и поймешь, как оценивать современные события.

Однако вернемся к теме этого очерка — описанию жизни творчества писателя в Туле. Отец будущего литератора Иван Яковлевич Успенский был сыном дьякона, окончил Тульскую духовную семинарию, но не стал священником, а получил место столоначальника палаты государственных имуществ. Таким образом, детские годы Успенского прошли в чиновничьей среде, что, видимо, и определило его первые жизненные наблюдения.

Так, в своем произведении «Разоренье», Успенский рассказал о трагической судьбе сына деда Михаила Глебовича Соколова, который рано умер из-за «насильственной ломки своих интересов». «С детских лет Ваня не был похож на то, что его окружало,— описывает Успенский в этом рассказе жизнь прототипа своего родственника.— Словно

испугавшись того буйства и произвола, которые царили в его семье, он как будто бы отвернулся от всех, притаился и пошел своей дорогой».

Затем писатель расскажет о чиновничьих семьях, в которых «взяточничество, казнокрадство... считалось настоящим делом жизни» (чем не слепок с жизни современного чиновничества, которое увязло в коррупции и воровстве?).

Правда, уже здесь проявляется свойство Глеба Успенского доводить черты характеров героев своих произведений до гротеска и искажения: «Все это были только обыкновенные чиновники с зелеными, непривлекательными лицами, с потухшими глазами, сгорбленными спинами». Здесь так и просится вставить цитату из какого-нибудь издания советского периода, расхваливающего писателя-демократа, вроде: «Будущий писатель увидел в родном городе картины, типичные для крепостнической России». Да и сам писатель пишет в своих воспоминаниях: «Вся моя жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до 20-ти, обрекла меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость и вообще отдаляла от жизни белого света на неизмеримое расстояние» (собр. соч.: в 9 т. М., 1955, т. 2, с. 46).

Может быть, именно отсюда истоки мрачного мировоззрения писателя, изображение окружающей действительности, в основном, в негативном свете? Ведь были и иные примеры в те времена: в сотнях произведений были описаны лучшие качества русского народа: доброта, гостеприимство, высокая нравственность и духовность. Были, есть и будут в русской литературе такие примеры жизни нашего народа, в том числе и туляков, в какие бы времена это ни происходило. Ведь любознательный от природы Глеб стал рано читать книги, уже в раннем детстве знал все сказки Пушкина.

Возможно, на такое мировоззрение писателя повлияли и многочисленные трудности, с которыми столкнулась семья. Ему пришлось, не доучившись, бросить Московский университет. В 1864 году умирает, не дожив до пенсии, отец. Как старший из детей, Глеб вынужден заботиться о материальном положении матери, трех братьев и четырех сестер.

Но ведь первый очерк Успенского «Михалыч», появившийся в 1862 году, о старике-приживальщике, пронизан теплым авторским чувством, светлый и прозрачный по манере повествования. Именно эти качества произведения, его простота и задушевность, привлекли к нему внимание Льва Толстого, опубликовавшего очерк в приложении к журналу «Ясная поляна». «Очень даровитым писателем» назвал тогда молодого Успенского и Н.А. Некрасов. Но вот в 1866 году появляются «Нравы Растеряевой улицы», и оценки нового произведения писателя становятся иными. Пролетарский писатель Максим Горький подчеркивал «социальную ценность» этой повести. В советский пери-

од оценки стали еще жестче и прямолинейнее, в полном соответствии с идеологией правящей партии: «гневное обличение «растеряевщины», «неприкрашенная правдивость», «истинное художественное воссоздание действительности».

«В г. Т. существует Растеряева улица.

Принадлежа к числу захолуствий, она обладает и всеми особенностями местностей такого рода, то есть множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем. Эту картину дополняют ужасы осенней грязи, ужасы темных осенних ночей, оглашаемых сиротливыми криками «караул!» и всеобщая бедность, у которой с незапамятных времен томится убогая сторона».

Написано талантливо, хлестко, прекрасным литературным языком. Только вот «ужасы» людей, живущих здесь, в его произведениях оказались непреходящи, а устранение их представлено безнадежным и бесперспективным делом. А ведь сам Успенский в своей «Автобиографии» (журнал «Русское богатство», 1902, IV) пишет: «Несомненно, народ этот был душевный, добрый и глубоко талантливый...». Правда, до конца осознать эту истину ему, видимо, мешала природная ипохондрия, хотя современники пишут о нем, как о человеке необыкновенного обаяния, рассказывают о его темно-карих глазах, отражавших бесконечную доброту, о ласковой, застенчивой улыбке, об оригинальной, с юмором речи.

Да и другие литераторы, описывающие Тулу тех времен, все же находят в «растеряевцах» хорошие черты. Например, о них пишет этнограф Д. Успенский, участвующий в переписи населения Тулы в 1897 году, в рукописи своих воспоминаний, хранящейся в Тульском краеведческом музее. Автор, как и Глеб Успенский, описывает домики с покосившимися крышами, в которых целые семьи умирают от голода. Но, наряду с «темным горем жизни», он увидел здесь и высокие нравственные качества трудовых людей, их тягу к знаниям, к образованию. Он рассказывает о слесаре, который «самоучкой выучился грамоте», о гармонщике, тратящем «значительную часть своего заработка на книги и проводящем за чтением все свободное время». Он не увидел «никакой особенной дикости и грубости», о которых так много пишет в своих «Нравах...» Глеб Успенский. Годом раньше, в 1896 году, в Туле вышла книжка М. Северной «Ольгушка из Подъяческой», где она пишет, что была «часто поражена, встречая рядом с грубостью, подчас даже дикостью нравов, примеры самой высокой нравственности» обычных тульских ремесленников, мастеровых, приказчиков, горничных. А ведь это были те же люди с Растеряевой улицы, которых Успенский так гротескно описал в своем произведении.

Писатель никогда, даже в годы высоких литературных заработков, не жил богато, так как совершенно не умел даже на короткое время сохранить у себя заработанные деньги. Он постоянно оставался без

копейки, жил в обычных для него долгах и нужде, был вынужден браться за любую работу, лишь бы заработать хоть немного денег. Например, в Тульском государственном архиве сохранилось прошение бывшего студента, в котором Успенский просит директора училищ Тульской губернии о месте простого учителя. Но даже в захолустном в то время Ефремовском уезде ему отказали.

В 1883 году сорокалетний Успенский пишет Е.С. Некрасовой: «Со мной какое-то необычайное нервное расстройство, чего никогда не бывало,— право я иногда думаю, как бы мне не сойти с ума. Что-то вообще со мной ужасно худо, необычайно худо, смертно». В начале 90-х годов у Глеба Ивановича было обнаружено тяжелое душевное заболевание. В течение десятилетия он находился на лечении в разных психиатрических больницах. В 1902 году писатель умер от паралича сердца и был похоронен на Литературных мостках на Волковском кладбище в Петербурге.

Я не собираюсь оценивать творчество этого талантливого писателя, тем более что оно огромно. Только одно Полное собрание сочинений Глеба Успенского, выпущенное в 1949 году Академией наук СССР, насчитывает 14 томов. Несомненно, что его произведения отразили существенные стороны жизни за большой исторический период, поставили актуальные общественные вопросы, отличаются большим разнообразием тем, идей и образов. Глеб Успенский — новатор жанров, мастер в использовании неисчерпаемых богатств русского языка.

И все же, в той же «Автобиографии», он, например, так отзывался о своих братьях-писателях, среди которых в ту пору были Лев Толстой, Достоевский, Чехов и многие другие гениальные авторы: «Не было у них читателя, они писали не известно для кого и хвалили только друг друга...».

Человек всегда хочет позитива, солнечных дней, радости в жизни. Как бы он ни был ничтожен и безграмотен, как бы ни одолевала его «питейная болезнь» и другие слабости и пороки, он способен к возрождению, к стремлению стать лучше. И я верю в то хорошее, доброе, вечное, что заложено в Человеке от природы. Иначе не имеет смысла не только работать и созидать, но и жить.

